

Владимир Жуков

Солдатские будни

р а с с к а з ы

18+

Владимир Жуков

**Солдатские будни.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Жуков В. А.

Солдатские будни. Сборник рассказов / В. А. Жуков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Цикл рассказов о службе автора в отдельной роте химической защиты учебной мотострелковой дивизии, а затем в инженерном батальоне 14-й армии Краснознаменного Одесского военного округа и сотрудничестве с редакцией окружной газеты «Защитник Родины».

Содержание

Обкатка	5
«Крещение»	8
Палатка окуривания	11
Храпун Фисюк	14
Марш-бросок	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Обкатка

Пыльная, взрытая траками танков дорога вела на полигон. В знойном полуденном воздухе висела гулкая, напряженная тишина. Изредка со стороны стрельбища доносились короткие автоматные очереди, да вдали над зелеными ангарами военного аэродрома взмывали в небо серебристые истребители. Высоко в голубизне поднебесья два совсем игрушечных самолета, за которыми тянулся белый шлейф, чертили замысловатые фигуры.

Новобранец рядовой Георгий Шубин, сидя рядом с сослуживцами в кузове автомобиля ГАЗ-157, провожал проплывающие вдоль дороги поля и деревья грустным взглядом. Его угнетала непривычная жара южного края, а в голове вертелось непонятное слово «обкатка». После команды «подъем!», прозвучавшей в казарме учебного подразделения отдельной роты химической защиты, курсанты-новобранцы тщетно старались предугадать смысл этого странного слова. Кого и зачем и каким способом решили обкатывать?

Строгие сержанты прерывали всякие размышления и мечты о родном доме частыми командами. Небольшой плац, обсаженный по периметру стройными тополями с серебристой листвой, с утра гудел под тяжелыми кирзовыми, начищенными до блеска сапогами. Оттуда доносились отрывистые голоса: «Нале-во... Напра-во! Шагом марш! Кру-гом!»

И вот теперь солдаты, рассевшись по машинам, ехали на полигон. Осталась за поворотом окраина города со старыми одно и двухэтажными зданиями, хозпостройками, садами и палисадниками. Новички с тревогой и волнением ждали предстоящих испытаний. Сержант Логунов, в отделение которого был зачислен Шубин, отвечая на вопросы и любопытные взгляды своих подчиненных, сказал:

– Было время, и я тоже ломал голову над словом «обкатка». Увидите и испытаете. Это будет ваш первый экзамен на звание солдата, воина Отечества.

Город утонул в золотистом мареве. Смутно угадывались его очертания. Ухоженные поля и сады неожиданно расступились, вокруг лежала пустынная, выжженная солнцем степь. За машинами, крытыми брезентами, тянулись клубы желто-серой пыли. Она проникала сквозь полог и оседала на лицах ребят, на пилотки и ещё не успевшие выгореть и просолиться потом новые гимнастерки.

Курсанты, расположившись вдоль бортов на откидных сиденьях, придерживали недавно врученные автоматы Калашникова со стальными штык-ножами. На ремнях висели подсумки с желтыми пластмассовыми магазинами, сбоку – противогазы. В том, что за ними нужен тщательный уход Георгий и его друзья убедились сразу же после первых занятий по огневой подготовке на стрельбище, когда пришло время разборки и чистки оружия.

На эту процедуру ушло не меньше трех часов. Шубин не роптал на свою судьбу. Привыкать к твердой воинской дисциплине – дело нелегкое, но ему пришлось по душе и он быстро подчинил свою волю распорядку в казарме, старательному изучению теории и практики военной специальности инструктора-дозиметриста.

Вот и полигон. Далеко к горизонту уходит сухая степь, не знающая плуга и культиватора степь с сухим и жестким разнотравьем, исполосованная траками и колесами танков, бронетранспортеров и вездеходов. Вдали за рыжевато-бурым глинистым бруствером были видны несколько макетов танков и БТРов и БРДМ. Чуть поодаль, возле небольшого чудом сохранившегося деревца замер настоящий танк.

Машины с курсантами остановились возле вышки наблюдательного пункта, вознесенного над плоской кровлей одноэтажного здания, обнесенного проволочным заграждением. Первое занятие проходило в учебном городке. Командир взвода, стройный светловолосый лейтенант, недавний выпускник военного училища с новенькими погонами и портупеей Вахтанов стара-

тельно рассказывал солдатам о зажигательных средствах, находящихся на вооружении потенциальных противников.

– Напалм – маслянистая, студенистая масса, – говорил он, демонстрируя вещества. – Его лучше всего тушить песком или плащ-накидкой, когда иных средств не окажется под рукой. Без доступа кислорода напалм гаснет. Двое солдат на примере подтвердили слова офицера.

Курсанты, поочередно гасили, полыхающее в липа жаром, неукротимое пламя. После усилий и смекалки его удавалось погасить.

– А теперь главное – обкатка танком, – строго произнес Вахтанов. Тем временем Сержант Логунов подвел свое отделение к траншее. В этот момент Георгию отчетливо вспомнился последний день перед призывом на службу, напутствия матери и отца, добрые пожелания друзей. От памятной картины прощания на перроне вокзала у него защемило сердце. В следующее мгновение он увидел Ксюшу с тугой косой и злато-кариыми зрачками печальных глаз. Они подружились еще в школе.

Больно, печально было расставаться и они сомкнули горячие ладони рук. Шубин нежно привлек девушку к себе, смутился своей смелости.

Уже стоя в вагоне, через толстое зеленоватое стекло, он увидел ее грустное красивое лицо, и как сквозь туман до него донеслись ее последние слова: «Георгий, я буду ждать тебя! Пиши мне, милый, чаще, не забывай свою Ксюшу». И поплыл за окном шумный вокзал с пронзительным маршем «Прощание славянки».

Резкий гул заработавшего мотора прервал воспоминания Георгия. Тяжелый танк Т-64, застыл в полусотне метрах от траншеи. Лейтенант был немногословен. Он надел на голову стальную, зеленого цвета каску, взял в руки два муляжа учебных гранат и лихо спрыгнул в траншею. Приподнялся над бруствером и подал знак рукой выглянувшему из люка танкисту в черном шлемофоне.

Танк, окутанный синевато-фиолетовым дымом, увеличивая скорость, приближался к траншее, в которой находился взводный. Когда до машины оставалось метров пять, офицер приподнялся и бросил первую гранату под лязгающую траками гусеницу. Сквозь столб пыли солдаты увидели, как грозная машина, кромсая почву, накатила на траншею. Вдогонку вторая граната настигла танк. Вахтанов, отряхивая с гимнастерки землю, возвратился к взводу и строго спросил у присмиривших ребят:

– Все видели, понятно, как надо действовать?

– Так точно, товарищ лейтенант, – прозвучали несколько голосов, но без энтузиазма.

– Кто хочет первым себя испытать? – спросил он после короткой паузы. Наступило молчание.

– Я, – тихо произнес Шубин. Все солдаты обернулись к ровеснику.

– Рядовой Шубин вам все ясно? – спросил офицер, передавая каску и гранаты.

– Так точно! – ответил Георгий. «Так вот какая обкатка», – подумал он. Надел каску и спрыгнул в траншею, где затаился запах выхлопных газов. «Только бы не сдали нервы», – упрямо стучала в виски кровь. «Пиши мне чаще, не забывай свою Ксюшу», – звучал ласковый девичий голос.

Он крепко стиснул в руке гранату, словно она была настоящей, а не учебной и стал ждать. На самом краю траншеи, среди сухих травинки на изогнутом стебле белела чудом уцелевшая ромашка. Танк между тем приближался. Георгий уже отчетливо видел его башню, длинный покачивающийся ствол. Он до боли сжал пальцами гранату. Дистанция между танком и траншеей быстро сокращалась.

Курсант приподнялся и метнул гранату. Едва, успел пригнуться, как огромная, шадящая дымом, темная масса нависла над ним, закрыла солнечный свет. Желтая глина сухими комьями посыпалась на каску, за воротник гимнастерки.

Несколько секунд превратились в минуту, танк замер на месте, вращая гусеницами. Георгию показалось, что машина вгрызается в почву и еще одно мгновение и раздавить его многотонной массой. Но снова вспыхнуло над головой высокое небо, в котором постепенно растворялся инверсионный след самолета.

Шубин вскочил и точно метнул вторую гранату. Она гулко ударилась о броню. На дне окопа, среди комьев осыпавшейся глины лежала хрупкая ромашка с белыми лепестками и золотым сердечком.

Солдат бережно расправил ее на ладони и положил в карман. И снова Шубину увиделись милые Ксюшины глаза, окаймленные черными пушистыми ресницами.

– Я обязательно тебе напишу, – вслух произнес он и решил вложить в конверт ромашку. Раскаленное солнце повисло над землей большим оранжевым апельсином. Оно равнодушно взирало на ребят, проходящих испытание на твердость характера и силу воли.

«Крещение»

Перебирая старые блокноты, я обнаружил пожелтевшее удостоверение об окончании учебного подразделения, выданное мне 17 мая 1969 года. Развернул и увидел перечень из 13 военных дисциплин от политической до санитарной подготовки и топографии с оценками на выпускном экзамене. Общая оценка «отлично» с присвоением военной специальности «химический инструктор-дозиметрист».

Документ был подписан председателем комиссии генерал-лейтенантом Гордейчуком. Наваял на меня воспоминания о далекой юности, армейской службе, за которую удостоился нагрудного знака «Отличник Советской армии», о забавах, которыми ровесники скрашивали суровый быт. Потешные истории могут служить предостережением, для тех, кто готовится исполнить воинскую повинность, то есть в восемнадцать лет надеть солдатскую гимнастерку, отведать казенных харчей, узнать, почему фунт соли?

Ныне костяк вооруженных сил составляют профессионалы: выпускники высших военных училищ и академий, а также контрактники, но продолжается, правда, не в прежних масштабах, весенний и осенний призыв юношей на действительную срочную службу. Новобранцы могут столкнуться с «сюрпризами». О некоторых из них я поведаю.

Служить в бытность единого Союза и его непобедимой и легендарной армии, мне довелось в отдельной учебной роте химической защиты, входившей в состав учебной мотострелковой дивизии. Она дислоцировалась в городе корабелов – Николаеве.

Курс обучения призывников не превышал шести месяцев. За этот период готовили специалистов для разных родов сухопутных войск, танковых, артиллерийских, зенитных, авиационных и т. д. со сдачей выпускных экзаменов, вручением удостоверений, присвоением званий «младший сержант», «сержант» и в редких случаях «старший сержант». Для дальнейшего прохождения срочной службы по разнарядке отправляли в строевые части Краснознаменного Одесского военного округа, которым в ту пору командовал генерал-полковник Александр Шурупов, прошедший закалку на фронтах Великой Отечественной войны.

В отдельной роте химической защиты, офицеры в классах и на практических занятиях обучали курсантов ведению боевых действий в условиях войны с применением ядерного оружия и отравляющих химических веществ и бактериологического оружия. Поэтому в штате каждого батальона значился химический инструктор-дозиметрист, который непосредственно подчинялся комбату и начальнику штаба. В его арсенале были боевая разведывательная дозорная машина (БРДМ) общевойсковые защитные комплекты (ОЗК), противогазы против химических атак и учебные химические вещества.

Несмотря на строгую дисциплину, четкий распорядок и загруженность учебной работой от подъема в 6 часов утра и отбоя в 22 часа, старослужащие, а их в роте было немного, называвшие себя с гордостью «деды» старались блюсти армейские традиции в виде забав и приколов. В позднее и ночное время на дежурстве в казарме, кроме дневальных из состава курсантов оставался один офицер. Поэтому он мог уследить за всем, что происходило в роте. И тогда деды, отслужившиеся полтора года, готовящиеся к дембелю, то есть демобилизации, возвращению домой, давали волю своим фантазиям.

Среди курсантов, принявших присягу и еще не успевших адаптироваться к строгому режиму солдатской жизни, выбирали наиболее активного и строптивого. В расчете на таинственность ритуала и любопытство подопытного, предлагали ему первому пройти крещение. Тот, дабы не ударить в грязь лицом, показать свою смелость, подбадриваемый дедами и курсантами, соглашался.

Велели потуже затянуть ремень и ставили по одну сторону двери, а полный рукав его гимнастерки крепко зажимали. С невидимой для курсанта стороны, подняв рукав вверх, заливали полведра воды и резко открывали дверь. Вода мгновенно заполняла гимнастерку из плотной ткани хабэ, превратив ее в водяной пузырь. Опешивший от такого фокуса курсант, взирал на заходившихся от смеха зрителей, округлившимися глазами. Поспешно расстегивал ремень с блестящей бляхой, потоки воды заливали пол.

– Поздравляем с крещением! – восклицал старший дедев, остальные от хохота хватаясь животы. – Тяжело в учении, зато легко в бою. После такого испытания натовские вояки нам не страшны. Больше всего янки боятся наших солдат из стройбатов, ибо по мнению противника, они до того свирепые, что кроме саперных лопаток, им другое оружие не доверяют.

Пострадавшего курсанта облачали в сухую гимнастерку и брюки, а мокрую одежду отправили в сушилку. Усердно поили крестника чаем, водка и другие крепкие напитки были под запретом. Однажды новобранцу из Житомира под видом компота в резиновой грелке, помещенной в посылку, вуйко (дядя) прислал самогон, однако ушлый старшина узрел эту хитрость и перед строем на плацу заставил курсанта уничтожить «зеленого змия». Пригрозил гауптвахтой.

– Кто еще хочет пройти крещение, испытать гимнастерку на непромокаемость? – зывали деды, но желающих не нашлось. И еще один номер из той же серии им удался. Вновь прибывшего курсанта склонили к участию в процедуре по заморозке стакана с водой к потолку. Посреди спального помещения, которое для краткости называли кубриком, поставили стол, на него табуретку, чтобы дед мог дотянуться рукой до потолка. Находясь снизу, курсант подал ему граненый стакан с водой. Дед будто бы нечаянно обронил ручку. Она упала на пол, новобранец машинально нагнулся, чтобы поднять и тут же содержимое стакана пролилось на его коротко стриженную голову.

– Не удалась заморозка, – посетовал дед. – Зато ты получил крещение святой водицей, принимаем в нашу семью.

Придумали эксперимент и для проверки вестибулярного аппарата, координации движения. Группа курсантов из учебного класса выходила в длинный коридор, до блеска надраенный темно-бурой мастикой. Чтобы не слезить тяжелыми кирзовыми сапогами, в которых ходили круглый год в холод и в жару (это сейчас носят удобные берцы), курсанты ступали на ковровую дорожку и следовали в затылок друг другу. Выждав момент, два-три деды, находясь на противоположном конце, резко дергали за дорожку. Курсанты, подобно камням домина, валились друг на друга.

– Эх, мужики-слабаки, – потешались деды и назидательно наставляли. – Для твердости шага и координации движения чаще совершайте марш-броски, занимайтесь физической и строевой подготовкой в спортзале, на плацу и на полосе препятствий..

Не отставали от них и командиры отделений, сержанты и старшие сержанты. Тренировали на скорость одевания и раздевания при командах: «Подъем!» и «Отбой!». Эти манипуляции с одеванием и раздеванием по нормативам следовало завершить, пока в руке сержанта не погаснет зажженная спичка. Достаточно было одному курсанту замешкаться, не вложиться в норматив, как команды повторялись несколько раз.

Конечно, эти и другие армейские забавы и приколы отличались коварством, однако внесли разнообразие в размеренную жизнь курсантов, которая чередовалась занятиями в классах, на плацу, полигоне и стрельбище. Готовили нас основательно.

На праздники настроение поднимали студенты медицинского училища, молодые работники швейной фабрики, выступавшие с концертами перед защитниками Отечества.

Настоящую закалку и крещение после окончания учебки я с ровесниками прошел во время учений в лютую стужу и зной, когда обитали в палатках с печками-буржуйками, совер-

шали многокилометровые марш-броски в полной боевой экипировке с автоматами АКМ, боеприпасами, вещмешками, скатками и плащ-палатками.

По нормативам оперативно наводили понтонные мосты через реки Днестр и Буг, по которым переправлялись танки, БТР, тягачи, артиллерия, автомобили с личным составом.

Во время службы в понтонно-мостовом батальоне, дислоцированном в молдавском селе Парканы, публиковал статьи и стихи в окружной газете «Защитник Родины». После демобилизации, отразил армейскую романтику в своей первой повести «Испытание верности». Понятно дело, что рассказ о солдатских забавах цензура бы тогда не пропустила. Хотя «дедовщина» в армии и на флоте в советское время не была столь ожесточенной и драматичной, как в первое десятилетие после развала единого государства.

Какие сейчас нравы царят в армии, в ходу ли забавы и приколы, мне неизвестно, но желаю, чтобы курьезные истории оставались без драматических последствий.

Палатка окуривания

После окончания учебного подразделения, обрета военную специальность «химический инструктор-дозиметрист» и звание «сержант» для дальнейшего прохождения срочной службы я прибыл в понтонно-мостовой батальон инженерно-технических войск, расположенный в селе Парканы на берегу Днестра.

Начальник штаба майор Георгий Дежкин, прочитав мое удостоверение об окончании учебки с общей оценкой «отлично», одобрительно произнес:

– Годится, отличники нам нужны. Большинство призывников в батальон поступили из среднеазиатских и кавказских республик. Для них оружие массового поражения – темный лес, поэтому просвещай и не только в теории, но и на практике. Следуй завету великого русского полководца Александра Суворова: тяжело в учении – легко в бою. Впрочем, и другие мудрые заповеди из его «Науки побеждать» не забывай.

– Так точно! – ответил я.

– Имей в виду, если достигнешь высоких показателей в боевой и политической подготовке, то присвоим очередное звание и предоставим двухнедельный отпуск домой, – обнадежил майор. – Поди, скучаешь, тоскуешь о родне и невесте?

– Так точно, скучаю! Разрешите идти?

– Иди, приступай к обязанностям, – велел офицер.

Начштаба и, конечно, комбат подполковник Сухарев стали моими непосредственными начальниками. Фактически, отвечая за подготовку личного состава к защите от оружия массового поражения, а именно ядерного, химического и бактериологического, я занимал офицерскую должность.

С азартом включился в работу. Используя плакаты, схемы и другие наглядные пособия, рассказывал сослуживцам о ядерном, термоядерном оружии, о водородной бомбе и основных факторах поражения: проникающей радиации, световом излучении, ударной волне и электромагнитном импульсе. Детально поведал о губительном воздействии этих факторов на организм человека, в целом на окружающую среду, флору и фауну, подробно рассказал о средствах защиты и приборах для определения уровня радиации и допустимых для человека нормах, о газосигнализаторе, предупреждающем о типе примененного противником газа.

Приятно было наблюдать, с каким интересом слушатели внимают новым для них знаниям. Таким же образом реагировал и я, будучи курсантом учебки.

Старательно, конспектируя факты, подчиненные слушали лекции о химическом оружии: боевых отравляющих веществах, газах нервнопаралитического, удушающего действия, в частности, зарине, зомане, иприте, фосгене и дифосгене, о зажигательных смесях – белом фосфоре и напалме. Не осталось без внимания и бактериологическое оружие – смертельно опасные бактерии и вирусы природного (холера, чума, сибирская язва, оспа и др.) и искусственного происхождения, созданных во вражеских лабораториях.

Зараженность местности, помещений и каким именно отравляющим веществом, определялась прибором газосигнализатором. Также в арсенале батальона были дозиметрические приборы для определения уровня радиации: ДП-5В, индивидуальные дозиметры ИД-1, ИД-02, ИМД-2С, комплект дозиметров ДП-22В и дозиметрическая линейка ДЛ. Основным средством защиты от химического и бактериологического оружия является общевойсковой защитный комплект с противогазом, а средством разведки – БРДМ – боевая, разведывательная дозорная машина.

Занятия я не ограничивал стенами «ленинской комнатой», так назывался актовый зал для культурно-просветительских мероприятий, где они проводились, а продолжал учебу на

полигоне с применением взрывпакетов, дымовых шашек. Убежден, что многим, кто служил в армии и на флоте, запомнились такие учебные команды: «Вспышка слева!», «Вспышка справа!» спереди или сзади, то есть о возможном ядерном взрыве.

При этой команде солдаты ложились плашмя на землю, ступнями по направлению к взрыву, прикрывали глаза и голову от светового излучения и ударной волны. Для укрытия использовали овраги, пригорки и другие особенности ландшафта.

Некоторые из местных старожилов-аборигенов, наблюдая за непонятными для них телодвижениями, вертели пальцами у висков. В их головы не укладывалось, почему вдруг солдатский строй плашмя падает на землю?

Весна была в разгаре. Деревья и кусты утопали в белоснежном, розоватом, лиловом, пурпурном и желтом цветении. Земля покрылась изумрудно-малахитовой травой, проклюнулись хрупкие цветы.

– Товарищ майор, мне необходимо проверить, правильно ли подобраны противогазы для каждого бойца, не пропускают ли резиновые маски воздух, а в случае военных действий газы и опасные бактерии и вирусы, – обратился я к начштаба.

– Понятно, решил проверить их в палатке окуривания?

– Так точно!

– Одобряю и разрешаю, – сказал майор Георгий Дежкин. – У нас не только порох должен быть сухим, но и надежная защита от оружия массового поражения, находящегося на вооружении вероятного противника, каковыми являются армии стран НАТО. Начни проверку с личного состава первой роты. Я предупрежу капитана Моцарского.

– Мне потребуется слезоточивый газ хлорпикрин, – напомнил я. – Он хранится на складе химических средств.

– Прикажу старшине Гармашу, чтобы выдал.

Вскоре по моей команде рядовые установили вблизи плаца палатку цвета хаки. К тому времени прибыл первый взвод в составе тридцати человек во главе с замкомвзвода сержантом Виталием Синельником. Солдаты выстроились в две шеренги.

Я начал инструктаж с вопроса:

– Как проверить надежность противогаза, чтобы в случае применения противником боевых отравляющих веществ он не стал последней предсмертной маской?

Наступила пауза, чтобы не попасть впросак, никто не решился ответить, а я продолжил:

– Для этого существует газ хлорпикрин, воздействующий на слизистые ткани дыхательных путей, на глаза и гортань. Поэтому, чтобы размер маски герметично прилегал к лицу, а гофрированная трубка, соединяющая маску с коробкой с сорбентами, фильтрующими воздух, была целой, без повреждений, проводится их проверка в палатке окуривания, где для этого распылен хлорпикрин.

Облачившись в ОЗК с противогазом, я проник в палатку и распылил хлорпикрин. Пробыл внутри три минуты и, убедившись в надежности своего противогаза, резиновой маски, вылез наружу.

– В палатку входить по двое, – пояснил я. – Находиться в ней следует не более трех минут. Этого времени достаточно для проверки герметичности маски. Если почувствуете, что щиплет глаза и наворачиваются слезы, то, не мешкая, выбегайте из палатки. Ясно?

– Так точно! – хором отозвались они.

– В таком случае, начнем с замкомвзвода, – я указал рукой на сержанта Синельника. – Приступай! Газы!

Он быстро облачился в ОЗК и надел на голову резиновую маску противогаза, скрылся в палатке. Через три минуты благополучно возвратился, снял маску и доложил:

– Противогаз в порядке.

До полудня, когда я объявил перерыв на обед, весь взвод успел побывать в палатке. Лишь у троих солдат маски оказались большего размера, произошло проникновение паров газа. После трапезы я предполагал продолжить процедуру с бойцами второго взвода.

В качестве часового у палатки выставил рядового Федора Стрижа, а остальные строем отправились в столовую, расположенную на территории части в ста метрах от плаца. В этот промежуток времени произошел казус.

У палатки я застал рядового Богдана Кудря из третьего взвода. Лицо у него было красное, как бурак, из глаз сочились слезы, кашлял, прикрывая рот ладонью.

– Что случилось?

– Очень приспичило. Всего на минуту отлучился в сортир, – оправдывался Стриж, – А его черт понес в палатку без противогаса. Вот и наглотался хлорпикрина. Не лезь в воду, не зная броду. Будет простофиля на будущее наука.

– Товарищ сержант, что со мной случиться? – вопрошал пострадавший.

– Уже случилось. Газ минимальной концентрации, поэтому не смертельный, промоешь лицо, глаза, нос, прополощешь горло и пройдет.

– Спасибо, а то я думал, что мне крышка, помру или останусь калекой и тогда невеста сбежит.

– Почему полез в палатку, что ты там искал? Отвечай!

– Ребята сказали, что ефрейтор Бахтияр Турдиев забыл в палатке флягу со спиртом. Решили перед тем, как отправиться в столовую на обед, принять граммов по пятьдесят на грудь для аппетита, – признался Богдан.

– Дурья башка, – покачал я головой. – Сослуживцы тебя развели, как лоха, подставили. Ни фляги, ни бидона в палатке нет. Об этом случае доложи командиру взвода, чтобы наложил взыскание. Шагом марш!

Кудря ретировался на промывку лица и глаз, а я обратил свой взор на рядового Стрижака и строго произнес:

– По законам военного времени, отдал бы тебя под трибунал.

– Виноват, исправлюсь, – промолвил Федор, опустив голову.

– Два наряда вне очереди, – объявил ему наказание. – Доложи взводному.

– Есть, – без энтузиазма отозвался он.

После полудня проверка противогазов в палатке окуривания продолжилась.

Храпун Фисюк

Вскоре житейская смекалка истопника и лекаря Кучера снова стала востребованной. Большие неудобства и дискомфорт ночью сослуживцам причинял новобранец рядовой Григорий Фисюк, детина из казацкого роду-племени, двухметрового роста с обувью 47 размера, сшитой по заказу. Родом он был с одной из станиц Сальского района Ростовской области.

Пока интенданты на складах искали для него подходящие сапоги (так и не нашли), он вынужден был ходить в строю в домашних башмаках. Только через месяц выдали новые кирзачи.

– Береги их, как зеницу ока, – напутствовал старшина Петр Гармаш. – Пришлось комбату обращаться к комдиву, чтобы заказали на обувной фабрике. Имей в виду, сам генерал побеспокоился, не каждому такая честь выпадает. Выразил удовлетворение тем, что такой богатырь под его началом служит. Намерен посетить наш батальон, чтобы посмотреть на «снежного человека», у которого стопа, как у слона.

– Кто снеговик? – удивился казак.

– Так ты и есть, тот самый «снежный человек». Если проявишь усердие в огневой, физической и политической подготовке, наградим знаком «Отличник Советской Армии» и предоставим двухнедельный отпуск на родину.

– Так точно, проявлю! – пообещал он.

– Каким видом спорта занимаешься? – продолжил старшина.

– Гиревым. Играю пудовыми гирями, словно мячами.

– Лучше бы борьбой или боксом, но и гири сойдут, – заметил Гармаш. – Смотри, Григорий, не подведи. Если генерал пожалует в батальон, то покажешь, на что способен, как управляешься с гирями. От тебя будет зависеть отношения комдива к личному составу. Коль на первенстве дивизии займешь призовое место, хотя бы бронзовую медаль, то напишу рапорт комбату, чтобы присвоил тебе звание «ефрейтор».

– Почему не сержанта?

– Для этого надо пройти учебу на шестимесячных курсах и сдать экзамены.

Григорий очень дорожил сапогами, натирал кремом до блеска, часто менял стальные подковки, чтобы каблуки не стирались во время занятий на плацу по строевой подготовке. Всем нам, пришлось на два года забыть о ботинках, туфлях и сандалиях. В жару и мороз, в дождь и снег носили тяжелые кирзовые сапоги с подкованными каблуками. Многокилометровые марш-броски совершали при полной экипировке в бушлатах со скаткой, плащ-палаткой, вещмешком, весом не менее пятнадцати кило, с противогазом, котелком, флягой. И, конечно же, с автоматом Калашникова, подсумками с магазинами снаряженными патронами калибра 7,62. Вот где настоящая закалка, суровый экзамен на выносливость!

– Генеральский подарок, – с гордостью смотря на сапоги, дабы подчеркнуть свою значимость, периодически напоминал сослуживцам Фисюк.

– Коль ты такой верзила, могли бы офицерские, хромовые выдать, – заметил рядовой Кучер.

– Еще не вечер, я – казак терпеливый, – ответил Григорий. – Через семь месяцев, когда наступит срок замены на новые скороходы, попрошу у старшины, чтобы пошили хромовые. Надраю их до блеска и для шика, как у атамана, голенища в гармошку.

– Мечтать не вредно, – усмехнулся командир отделения Олег Наседкин. – По уставу рядовым и сержантам положены кирзовые сапоги. На твой прокорм и так много средств уходит. Постоянно просишь добавку, почитай, ешь за двоих.

– Коль призвали, то пусть кормят, чтобы не сосало под ложечкой, – отвечал Фисюк.

– Гришка, признайся, казачки с тобой редко танцевали? – поинтересовался рядовой Иван Кучер.

– С чего ты взял? – удивился тот.

– А того, что очень рисковали. Если такой слон на ногу наступит, то считай хромоножка, калека на всю жизнь, – мрачно заявил Иван.

– С казачками я обходился аккуратно. Держал и за тали навесу, чтобы не касались пола, не чуяли ног под собой, – отвечал Фисюк.

– Так это не танец, а акробатика, – заметил кто-то из сослуживцев.

– Главное, что в руках молодая, красивая казачка, а танец это, пляска или акробатика, мне по барабану, – добродушно рассмеялся казак.

– Значит тебе, как плохому танцору, что-то мешало? – поставил диагноз Наседкин.

Всем был хорош донский казак, если бы не один недостаток, который он сам таковым не считал, а, напротив, даже гордился тем, что сослуживцы, даже ночью помнят о нем.

– В моем казацком роду все славились богатырским храпом, – сообщил он. — Станичники завидуют, от казачек отбоя не было и нет. Самые красивые девчата под венец охотно идут. Ну, чтобы, значит, малыши родились, крепкие и крупные.

– Казак донской, где твой конь вороной? – подтрунивали над ним ребята.

– Своему тезке, Григорию Мелехову из «Тихого Дона» подарил, – с находчивостью отвечал он.

– Жаль, посадили бы тебя на коня и отправили к чертовой матери, чтобы не отравлял нам сон своим лошадиным храпом. Вот так повезло!? До самого дембеля придется терпеть ночные рапсодии. Своим храпом ты подрываешь боевую готовность батальона. Целый день солдаты поле бессонницы, вялые, как сонные мухи. Противник возьмет нас голыми руками.

– Наверное, все читали этот роман моего земляка Михаила Шолохова, – гнул свою линию Фисюк.. – Много казаков сложило головы в гражданскую войну. Но казацкому роду нет перевода.

– Конечно, читали «Тихий Дон», «Поднятую целину», «Донские рассказы», «Судьбу человека» «Они сражались за Родину» и другие произведения, – подтвердил я. – Замечательный писатель, лауреат Нобелевской премии. Потратил ее на строительство школы, благоустройство родной станицы Вешенской, где и живет, хотя мог бы переехать в Москву, Ленинград, любой другой город, но верен родному Дону.

Действительно, сон донского казака до самого подъема сопровождался громким храпом с присвистом. Короткие антракты возникали, когда он, скрипя пружинами панцирной кровати, переворачивался на другой бок.

Развалившись на койке Фисюк с блаженной улыбкой на широком лице, отдыхал, выдавая на-гора виртуозные рулады, бившие по барабанным перепонкам, поэтому многие из сослуживцев, бодрствовали. Самые нетерпеливые солдаты ворчали, крыли донского казака отборным матом. Потом целый день ходили с ватными головами из-за вынужденной бессонницы.

– Если бы в дивизии проводились соревнования по громкости храпа, ты стал бы чемпионом, – подтрунивали острословы. Он, раздувая ноздри, самодовольно улыбался.

– Гришка, будь человеком, убавь децибелы, – увещевали другие сослуживцы, спавшие, а точнее, бдевшие, вблизи храпуна с мощными руладами. – Своим храпом ты подрываешь моральный дух личного состава роты, льешь воду на мельницу противника.

– Принимая присягу, вы клялись стойко переносить тяготы и лишения военной службы, – напомнил Фисюк, – Здесь вам не курорт, ни санаторий. Тяжело в учении, зато будет легко в бою.

– Ты своим храпом до боя выведешь всех из строя, – возразил Иван Кучер. – Год службы рядом с тобой следует читать за два года каторги.

– В здоровом теле – здоровый дух, – заявлял казак, скаля крупные зубы. – Не могу я перечить потребностям своего организма.

– Как тебя дома родители терпели?

– Они тоже любят похрапеть.

– Если не можешь уменьшить громкость, то перед сном надевай противогаз, – посоветовал Кучер.

– У меня легкие большого объема, вдруг не хватит воздуха, задохнусь, – возразил храпун. – Пусть те, кому я мешаю, сами спят в противогазах. А я своему организму не враг.

После словесной перепалки, кто-то из ребят, ночью набросил Фисюку на лицо его же портянку. Храп оборвался лишь на несколько секунд. Григорий проснулся и сочно выругался в адрес обидчика, угрожая покрасить голову зеленкой.

Особенно чуткий к звукам, рядовой Богдан Задуйвитер в полночь обратился к санинструктору ефрейтору Турдиеву:

– Бахтияр, неси нашатырный спирт, прочистим Гришке дышалку.

– Нет, – возразил ефрейтор. – Он сразу догадается, откуда спирт и прочит, ударит сапожищем.

– Не трусь, ты старше по званию, он не посмеет нарушить устав.

– Все равно, опасно.

– Скажи, есть ли лекарство от храпа? – не отставал Задуйвитер.

– Не знаю, этому не учили, – признался санинструктор.

– Нашел, у кого спрашивать, – рассмеялся кто-то из ребят. – Бахтияр, кроме зеленки, йода и активированного угля, других лекарств не признает.

– Пурген у тебя в санитарной сумке есть? – продолжил допрос Богдан.

– Нет, – отозвался ефрейтор.

– Жаль, дали бы Фисюку, чтобы он из туалета не вылезал.

Наконец, Богдан обратился ко мне:

– Товарищ старший сержант, вся надежда на вас. Попросите комбата Сухарева или замполита Плоткина, чтобы всех храпунов поместили в отдельное помещение. Пусть они соревнуются, у кого громче храп и крепче нервы.

– Дохлый номер. По уставу все должны находиться в одной казарме и сержанты, и рядовые, – ответил я.

Когда все способы воздействия были исчерпаны, вспомнили о том, как Кучер вылечил Сырбу от энуреза и обратились за помощью:

– Ваня, выручай, из-за Гришка скоро оглохнем, станем психами. Сырбу ты вылечил, возьми за Фисюка. Сделай так, чтобы рота спокойно спала, а он бодрствовал, – попросил. – Есть еще два храпуна, но они не столь голосистые. По сравнению с казаком мурлычут, а он своим храпом воздействует на уши, словно отбойным молотком. Я вынуждены спать в шапке-ушанке, затыкать уши ватой.

– Сочувствую, чем же я могу помочь? – развел руками Кучер.

– Буди его, как только начнет храпеть.

– Он старше меня по званию и кулаки свинцовые. Долбанет промеж глаз. Не хочу связываться.

– Не будь эгоистом, – упрекнули его сослуживцы.

– Ладно, помогу ценным советом, – согласился Иван. – Во время учебы в ПТУ в моей группе тоже был заядлый храпун, высокий, как пожарная каланча. Так мы с ребятами его быстро отучили. Бросил учебу, сбежал. И остальные храпуны затаили дыхание, попрятались, как сурки.

– Мг, хорош лекарь, так и я могу лечить, – заметил Наседкин и пояснил. – Дело в том, что Гришка никуда не бежит. Он знает, что за дезертирство привлекут к уголовной ответственности.

сти. А в военное время трибунал приговорит к расстрелу. Расскажи, каким образом вылечил пэтэушника?

– Скоро узнаешь, увидишь на практике, – загадочно произнес Кучер.

В полночь, когда Фисюк, вальяжно развалившись на койке лицом вверх, завел рапсодию с присвистом, при тусклом блеске светильников к нему приблизились трое рядовых во главе с Иваном. Один из них держал в руках зеркало. Кучер достал из кармана тюбик с зубной пастой, часть содержимого выдавил в одну, а потом в другую ноздрю казака.

Храп захлебнулся, прервался, превратился в сопение. Все еще пребывая во сне, Фисюк машинально, широко раскрыв рот, попытался устранить помеху, перекрывшую доступ воздуха в легкие. Рукой судорожно провел по лицу, вымазав губы, щеки и нос белой пастой. Как выброшенная на берег рыба, хватал воздух ртом. Приподнял голову с подушки и в этот момент перед ним выставили зеркало.

Увидев свое изображение, дико взвыл, едва не разбив зеркало кулаком. Казарма взорвалась хохотом. Проснулись, даже те ребята, кто адаптировался к храпу. Григорий, выдавливая пальцами из ноздрей пасту, словно раненный лось, побежал к умывальнику, чтобы избавиться от вязкого вещества. Гремя тяжелыми сапогами, он угрожал «лекарям» пудовым кулаком.

Возвратился с красным, как фонарь, лицом.

– Гришка, радуйся, пляши, – велел ему сержант Наседкин.

– Чего ради? – удивился казак.

– Могли бы вместо зубной пасты выдавить в ноздри сапожный крем, – пояснил Олег. – Посчитав, что превратился в негра, свалился бы в обморок. Какой тогда из тебя кубанский казак?

– Эх, нагайка дома осталась, выпорол бы всех, как сидоровых коз, – посетовал он и пригрозил. – Пожалуюсь комбату или замполиту. Нет, лучше накатаю жалобу генералу. Он меня уважил, сапоги подарил, не пожалел.

– Жалуйся, но не забывай, что доносчику первый кнут, – напомнил сержант. – Как только комдив узнает, что ты подрываешь боевую готовность роты, то посадит на губу. Поэтому иди и не рыпайся, не нарушай субординации. Прежде, чем обращаться к генералу, ты по уставу должен обратиться к командиру взвода, потом роты, батальона, полка, а уже потом дивизии. Не храни по ночам, казак, а учи уставы.

– Если бы он, хотя бы одну ночь в нашей казарме заночевал, то на следующее утро тебя бы комиссовали из-за нестандартной стопы и храпа, несовместимого маскировкой, – предположил ефрейтор Турдиев. Григорий призадумался, ибо перспектива, досрочно возвратиться в станицу его устроила бы.

– Когда комдив узнает, что из-за тебя рота не спит, что ты сознательно подрываешь боевой дух, то отберет сапоги, придется ходить в калошах, – пригрозил Кучер.

– Григорий, не дуйся, как церковная мышь на крупу, а срочно пиши рапорт, чтобы тебя, потомственного казака, перевели в кавалерию, – посоветовал я.

– Где она, славная кавалерия? – вздохнул он. – После того, как герои гражданкой войны Буденный и Ворошилов дали дуба, кавалерии не стало. Сейчас в почете ракетные войска, бронетехника...

– В кремлевском гарнизоне есть кавалерийская часть для парадов, – пояснил я. – при желании будешь в конюшне с рысаками ночевать. Храни там себе на здоровье.

– Такого стокилограммового детину, почитай, Илью Муромца, ни одна кобыла не выдержит, Гришка ей хребет ломает, – засомневался Кучер. – И в танк его не засунешь, голова будет из люка торчать. Пехота – вот его место, а чтобы снайпер не завалил, пусть глубже роет окопы.

– Не горячись, успокойся, казак, – дружелюбно похлопал Григория по плечу сержант Наседкин. – Рассуди здраво. Ты не ворчать, а благодарить должен за то, что прочистили тебе ноздри зубной пастой. Теперь тебе ни грипп, ни простуда не угрожают.

Фисюк с мрачным видом внимал советам. Ему объявили ультиматум: рота должна спать, а он бодрствовать. Пригрозили, что в случае храпа, загонят в ноздри сапожный крем.

Угроза подействовала, опасаясь повторения, он спал чутко и просыпался от собственного храпа, едва тот нарушал тишину в казарме. Двое других храпуна, опасаясь профилактики посредством зубной пасты и обувного крема, резко снизили диапазон звукового сопровождения сновидений.

Марш-бросок

– В две шеренги, становись! – приказал командир взвода лейтенант Дмитрий Савушкин. И когда сержанты, ефрейторы и рядовые по ранжиру выстроились на плацу, зычно скомандовал:

– Равняйся, смирно!

Придирчиво оглядев подчиненных, стоявших навытяжку с руками по швам, велел:

– Вольно.

– Каждый из вас со школьной скамьи должен знать изречение великого русского полководца Александра Суворова: тяжело в учении – легко в бою, – продолжил офицер. – Присягнув на верность Родине, обязаны беспрекословно выполнять приказы командиров, стойко переносить все тяготы и лишения военной службы. Как велел наш вождь Ильич, я буду учить вас военному делу настоящим образом. Никому не дам поблажки. Если не все, то каждый второй должен стать отличником Советской армии, выполнить нормативы на спортивный разряд. Ясно?

– Так точно! – хором ответили солдаты понтонно-мостового батальона инженерных войск.

– Вам в полной экипировке с нагрузкой предстоит совершить марш-бросок по пересеченной местности на три километра.

– Товарищ лейтенант, в чем состоит нагрузка? —, будучи замкомвзвода, спросил я.

– Марш-бросок – это не прогулка налегке, а физическое и моральное испытание. У каждого воина будет возможность проявить силу воли, твердость характера, выносливость и терпение. Для начала вещмешки заполните десятью килограммами песка, а впоследствии нагрузку увеличим до двадцати килограммов. Как говорится, своя ноша плеч не давит.

Только теперь я и другие сослуживцы поняли, почему поблизости от места построения взвода лежат несколько бумажных мешков песком и напольные весы.

– Разойдись! – прозвучала команда. – Живо заполняйте мешки и на весы. Приказываю командирам отделений проконтролировать точность веса, чтобы никто не схитрил, все были в равных условиях.

Вскоре солдаты с автоматами АКМ, подсумками, заполненными песком вещмешками, котелками, флягами на ремнях, противогазами походили на караван навьюченных поклажей верблюдов.

Савушкин дал старт марш-броску и солдаты с территории военного городка выбежали на улицу поселка Парканы, где дислоцировался батальон. Взвод, в отличие от каравана верблюдов, медленно передвигающимся по пескам и барханам пустыни, напоминал табун диких мустангов.

Далеко разносился топот кирзовых сапог, из-под которых тянулся густой шлейф пыли. Жители поселка, в основном молдоване и болгары, с недоумением таращили глаза на бегущих гуськом защитников. Некоторые из аборигенов полагали, что разлился протекающий рядом Днестр и воинов подняли по тревоге на укрепление дамбы, чтобы вода не затопила дома, как это нередко происходило в период весенних паводков.

Достигнув околицы поселка, солдаты бежали в направлении реки параллельно автомобильной дороге и железнодорожной магистрали из Тирасполя в Бендеры. Уже на первой стоиметровке я и мои сослуживцы ощутили, судя по тяжелому учащенному дыханию, ощутили чугунную тяжесть вещмешков за спинами.

Возможно, как и я, ребята были благодарны взводному за то, что он организовал марш-бросок не в полдень, когда солнце в зените палит нещадно, а в утренние часы. Но все равно

гимнастерки намокли от пота, который катился градом, хоть снимай и выжимай. Словно мираж в знойной пустыне, манила серебряная гладь Днестра. Возникло желание быстрее добежать до берега, сбросить с себя амуницию и окунуться в прохладную воду. Но когда до берега оставалось метров триста, старшина Гармаш велел бежать обратно к финишу. Некоторые из ребят, не выдержав темпа гонки, перешли на шаг.

– Кто лидирует? – поинтересовался я у бегущего рядом ефрейтора Бахтияра Турдиева.

– Илья Короед, – ответил он.

– Илья? – удивился я, зная, что тот прежде не отличался спортивными успехами. Когда все финишировали, а я оказался в первой десятке среди тридцати участников, Савушкин построил взвод и сообщил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.